

О ХАРАКТЕРЕ РУССКОЙ ПОСЕССИОННОЙ МАНУФАКТУРЫ

Э. С. Виленская

Среди большой группы вопросов, выдвинутых акад. А. М. Панкратовой в статье «О роли товарного производства при переходе от феодализма к капитализму»¹, специальное место отведено проблеме социальной природы русских мануфактур XVIII века. Следуя ленинскому положению о существовании двух типов крупных промышленных предприятий в дореформенной России, роль которых в развитии капиталистических отношений прямо противоположна, А. М. Панкратова приходит к заключению, что «мануфактура с крепостными рабочими представляла собой внутренне противоречивое явление», в котором отразилось несоответствие новых производительных сил старым производственным отношениям.

Почти одновременно с работой А. М. Панкратовой в журнале «Вопросы экономики» была опубликована статья акад. С. Струмилина «Рабочие русской мануфактуры к концу XVIII в.», в которой вопрос о двух типах мануфактур подменён вскользь отмеченным наличием «существенных различий между мануфактурами с вольнонаёмным трудом и мануфактурами посессионными и вотчинными». Проблему состава рабочей силы акад. С. Струмилин рассматривает в целом по предприятиям того и другого типа, снимая тем самым различия в процессах, происходивших внутри каждого из них, и сводя всё к различию в правовом положении вольнонаёмных, посессионных и крепостных рабочих. Он утверждает, что «общественные отношения производственной эксплуатации и экономической стимуляции труда, т. е. базис мануфактуры, были уже совершенно чужды феодализму, вступили в противоречие с присущими ему надстройками и, преодолевая их тормозящее действие, обнаружили свою принципиально новую, капиталистическую природу»². Акад. С. Струмилин усматривает противоречия лишь между базисными и надстроечными явлениями, но не новыми производительными силами и господствующими производственными отношениями.

Точка зрения, выраженная в статье А. М. Панкратовой, разделяется большинством историков и экономистов. Однако многолетний спор, существующий между исследователями экономического развития России при переходе от феодализма к капитализму, остаётся нерешённым и требует дальнейшего обсуждения.

Наиболее ревностным защитником представления о капиталистической природе всякой мануфактуры является проф. К. П. Новицкий. В своих публичных выступлениях, опираясь на утверждение о том, что в мануфактуре, независимо от её социального характера, действовали капиталистические категории (заработная плата, постоянный и переменный капитал), К. П. Новицкий объявляет её капиталистическим по своей сущности предприятием³. Менее определённо формулируют свои позиции Ф. Полянский, Е. Заозерская, Б. Кафенгауз. Однако их исходные положения близки к точке зрения Струмилина.

Основная погрешность этой концепции, на наш взгляд, заключается в том, что два противоположных типа мануфактур исследуются как одно целое, и притом не в раз-

¹ «Вопросы истории», 1953. № 9.

² «Вопросы экономики», 1953. № 9. Разрядка автора.

³ См. стенограмму обсуждения вёрстки первого тома «Истории русской экономической мысли» в Институте экономики АН СССР в июне 1953 г., отчёт об этом обсуждении в журнале «Вопросы экономики», 1953. № 10.

вители, а статично. Акад. С. Струмилина и других интересует одна сторона вопроса — накопление новой производительной силы, происходившее в мануфактуре как в предприятии крупной промышленности. Вопросу о роли господствующих производственных отношений они почти не уделяют внимания. В своё время имелась и противоположная тенденция — сосредоточить внимание на производственных отношениях, оставляя в тени вопрос о производительных силах, создававшихся мануфактурой. Она нашла своё отражение в документальных сборниках «Крепостная мануфактура».

Очевидно, для выяснения вопроса о характере русской мануфактуры необходимо порознь исследовать эволюцию двух её типов с точки зрения взаимодействия производительных сил и производственных отношений.

Настоящая статья является попыткой выяснить, что же представляла собой посессионная мануфактура, которую В. И. Ленин сближает по её типу с мануфактурой вотчинной.

Посессионная мануфактура как особая форма крупного промышленного производства продержалась в России около 150 лет. В XVIII в. она занимала ведущее положение в уральской металлургии и служила основой таких отраслей русской лёгкой промышленности, как суконное производство, полотняное, шёлковое, писчебумажное, стекольное и т. д. Вытеснение посессионных мануфактур непосессионными предприятиями началось лишь к концу XVIII века.

Развитая форма кооперации — мануфактура — основана на разделении труда. Она вырастает в недрах феодальной экономики, опираясь на неё и вместе с тем противопоставляя себя ей. Поскольку базисом мануфактуры является ремесло и домашняя крестьянская промышленность, постольку она остаётся связанной с феодальным способом производства. Вместе с тем мануфактура составляет исторически и логически исходный пункт капиталистического производства, развиваясь как «противоположность крестьянскому хозяйству и независимому ремесленному производству...»⁴.

Как отмечает Маркс, значение кооперации, основанной на разделении труда, состоит в том, что «даже при неизменном способе труда одновременное применение значительного числа рабочих вызывает революцию в материальных условиях процесса труда». Более того, «здесь дело идет не только о повышении путем кооперации индивидуальной производительной силы, но и о создании новой производительной силы, которая по самой своей сущности есть массовая сила»⁵. Эта новая производительная сила, развиваясь в условиях господства феодальных производственных отношений, с одной стороны, испытывает их тормозящее влияние, а с другой — оказывает своё революционизирующее воздействие на процесс уничтожения старых производственных отношений и замену их новыми.

Рассмотрим, какое влияние оказывает эта новая производительная сила на три главных фактора, образующих феодальные производственные отношения.

Феодальная форма собственности на средства производства характеризуется, как известно, монопольной собственностью феодала на землю, в сочетании с неполной его собственностью на населяющих эту землю производителей. Наряду с этой формой собственности при феодализме существует единоличная собственность мелкого производителя на орудия производства и на своё частное хозяйство, основанная на личном труде. Промышленное производство — и ремесленное, и домашняя крестьянская промышленность, и мануфактура — не нуждается в земле как факторе производственного процесса. Здесь роль собственности на землю сведена до минимума, так как ведущее место принадлежит собственности на промышленное оборудование, материалы, сырьё и денежные средства, необходимые для производственного процесса. Это значит, что изменяется самый характер средств производства, в силу чего образуется новая форма собственности, противоположная феодальной.

Изменение формы собственности влечёт за собой изменение положения социальных групп в производстве и их взаимоотношений. Средства производства концентрируются в руках немногих собственников капитала за счёт того, что на другом полюсе оказывается лично свободный и лишённый собственных средств производства

⁴ К. Маркс. Капитал. Т. I. Госполитиздат. 1952, стр. 341.

⁵ Там же, стр. 332.

непосредственный производитель. Феодалы отношения прямого господства и подчинения заменяют в промышленном производстве новой формой эксплуатации, основанной на купле-продаже рабочей силы.

Изменяется и третий фактор производственных отношений — распределение продуктов. Оно остаётся основанным на принципе присвоения собственником средств производства прибавочного продукта, созданного производителем, но принимает иную форму. Господствующая форма изъятия прибавочного продукта в виде феодальной земельной ренты заменяется присвоением прибавочной стоимости. Следовательно, изменяется и способ воспроизводства рабочей силы. Основанием его служит не земельный надел или собственность на орудия производства у ремесленников, а заработная плата, то есть превращённая форма стоимости рабочей силы.

Эти основные черты, характеризующие капиталистические производственные отношения в неразвитой форме, проявляются в капиталистической мануфактуре. Однако мануфактура не может охватить всего производства и в силу этого не преобразует феодального производства «до самого корня». В этом смысле Маркс и говорит, что «законы, соответствующие крупной промышленности, не тождественны с законами, соответствующими мануфактуре»⁶.

Рассмотрим под этим углом зрения русскую посессионную мануфактуру.

Как и западноевропейская капиталистическая мануфактура, русская посессионная мануфактура выросла и развивалась в недрах феодальной формации, в известном смысле опиралась на ремесленное производство и домашнюю крестьянскую промышленность и также противостояла простому товарному производству. Как и в западноевропейской капиталистической мануфактуре, в русской посессионной мануфактуре происходила революция в вещественных условиях процесса труда, углубляясь процесс разделения труда и создавалась новая производительная сила. Однако эта новая производительная сила не вызвала решительных изменений в производственных отношениях. Это определялось тем, что самые средства производства в посессионной мануфактуре в значительной степени сохраняли феодальный характер. В них, кроме элементов, характеризующих капиталистическую экономику, то есть кроме промышленного оборудования, сырья, материалов, денежных средств и т. д., оставались и основные элементы, составляющие феодальные средства производства. Прежде всего в качестве такого элемента выступал сам работник производства.

Определяя экономическое содержание понятия «свободные рабочие», Маркс писал: «...они не должны сами принадлежать непосредственно к числу средств производства, как рабы, крепостные и т. д.»⁷. Поскольку посессионный рабочий оставался крепким мануфактуре, поскольку товарной формой обладал он сам, а не его рабочая сила, как это было в капиталистической мануфактуре, постольку он входил в число средств производства. В силу этого форма собственности на средства производства в посессионной мануфактуре не могла эволюционировать в сторону установления господства капиталистической собственности. Посессионная мануфактура была основана на своеобразном симбиозе феодальной и капиталистических форм собственности на средства производства. Феодальные элементы в этом противостественном сочетании усиливались тем, что владелец посессионного предприятия в подавляющем большинстве случаев являлся и феодальным земельным собственником (главным образом на праве условного владения), а крепостной рабочий в той или иной мере сохранял своё самостоятельное хозяйство и орудия труда. Поэтому в числе средств производства посессионной мануфактуры следует учитывать и их земельные владения. Итак, основу посессионного владения составляли главным образом промышленные средства производства, но вместе с прикреплёнными к промышленному предприятию производителями и некапиталистическим довеском в виде феодальной земельной собственности.

Взаимоотношения различных социальных групп в посессионных мануфактурах определялись феодальной собственностью на рабочую силу, то есть отношениями внеэкономического принуждения, а не купли-продажи. В русской посессионной мануфактуре отсутствовало главное условие, определившее развитие западноевропейской

⁶ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости. Т. II, ч. 2-я. Партиздат. 1936. стр. 247.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 782.

мануфактуры как мануфактуры капиталистической, то условие, из которого выросло капиталистическое производство, а именно: превращение рабочей силы в товар. Создание новой производительной силы не разрушило внутри посессионной мануфактуры отношений прямого господства и подчинения. До определенного времени эти отношения не служили помехой развитию новых производительных сил. Но такое положение могло сохраняться лишь, пока внутри страны не сложился капиталистический уклад.

В условиях посессионной мануфактуры продолжала существовать и вторая форма феодальной собственности. У абсолютного большинства посессионных рабочих имелся земельный надел. Однако земельный надел уже не служил ни единственным условием воспроизводства рабочей силы крепостного рабочего, ни единственным условием присвоения прибавочного продукта собственником средств производства. Работа не своими, а хозяйскими орудиями труда и всё больший отрыв рабочего, в силу специфики мануфактурного производства, от собственного хозяйства сводили на нет значение надела как условия воспроизводства рабочей силы крепостного работника и выдвигали на первый план денежную оплату, то есть форму, характерную для капиталистического производства. Однако надел продолжал сохраняться на всём протяжении существования посессионной мануфактуры, служа, с одной стороны, дополнительным источником воспроизводства рабочей силы крепостного рабочего, а с другой стороны, источником пополнения промышленного дохода собственника средств производства путём присоединения накоплений от феодальной ренты.

Денежная оплата, господствовавшая на посессионной мануфактуре, не могла превратиться в заработную плату, так как она не стала превращённой формой стоимости рабочей силы — товара. Но вместе с тем она уже не соответствовала и феодальной форме распределения продукта. Подобно тому, как денежная рента, сменившая с развитием товарно-денежных отношений отработочную ренту и ренту продуктами, оставалась до капиталистической рентой, денежная оплата на мануфактуре никак не означала изменения способа производства, не означала установления капиталистической формы распределения продукта.

Посессионная мануфактура в России развивалась на основе не капиталистических, а феодальных производственных отношений. Посессионное владение было лишь разновидностью феодальной формы собственности, осложнённой капиталистическими элементами, и служило укреплению феодальных производственных отношений путём распространения их на крупное промышленное производство. В силу господства феодального способа производства элементы капитализма, содержащиеся в посессионной мануфактуре, оставались в скванном, связанном состоянии, из которого они не смогли высвободиться вплоть до уничтожения этой формы собственности.

Поэтому было бы ошибочным применять к посессионной форме промышленного производства капиталистические категории, которые не смогли получить в ней своего развития. Категория прибавочной стоимости приобрела здесь лишь условный характер, как выражение жажды самовозрастания денег, а не как результат неоплаченного труда рабочей силы — товара. Поскольку собственностью предпринимателя являлась не купленная им рабочая сила, а сам работник производства, постольку здесь ещё не существовало и категории капитала в собственном смысле. «Капитал возникает лишь там, где владелец средств производства и жизненных средств находит на рынке свободного рабочего в роли продавца своей рабочей силы...»⁸. Следовательно, и категория переменного капитала приобретала здесь такой же условный характер. Она служила выражением способа воспроизводства рабочей силы, но не капиталистических затрат на рабочую силу — товар. Совершенно иное, чем при капитализме, содержание получает здесь деление капитала на основной и оборотный. Как и при капиталистическом производстве, денежная оплата рабочего входила в оборотный капитал. Но стоимость крепостного производителя была заранее включена в основной капитал феодального предпринимателя как составная часть тех средств производства, которые лишь частично переносят свою стоимость на товар в одном производственном обороте. В этой части характер средств производства оставался феодальным.

В значительной части сохранялось и феодальное отношение к земле как к дополнительному источнику, из которого собственник средств производства черпал накопле-

⁸ Там же, стр. 188—189.

ния от феодальной ренты, а крепостной производитель — дополнительные средства существования. Раздвоение стоимости рабочей силы между основным и оборотным капиталом являлось экономическим выражением социально противоречивой, двойственной формы, в которой выступал и владелец промышленного предприятия и его крепостной рабочий. Будучи промышленным предпринимателем, первый оставался в то же время и землевладельцем и душевладельцем. Непосредственный производитель, будучи производственным рабочим, сохранял в большей или меньшей степени черты крестьянина. Он работал при помощи чужих условий труда, но в то же время не был полностью оторван от своих средств производства, не был лишён хозяйственной самостоятельности.

Развитие русской посессионной мануфактуры свидетельствовало о том, что производительные силы общества достигли уровня, необходимого для установления производства, из которого выросло капиталистическое. Однако одного этого факта было ещё недостаточно для вступления производства в фазу, переходную к капитализму. Для последнего необходимо, чтобы созрели условия, при которых рабочая сила превращается в товар.

Источником капиталистического развития России послужила не посессионная мануфактура, занимавшая до последней трети XVIII в. господствующее положение в русской промышленности, а начавшая складываться наряду с ней и в противовес ей крестьянская промышленность и та купеческая мануфактура, которая была основана уже не на феодальных производственных отношениях, а на купле-продаже рабочей силы.

Социально-экономические условия, в которых происходило формирование первых мануфактур в России, определили характер их эволюции. Широкое развитие крупного промышленного производства в России относится, как известно, к первой четверти XVIII века. К этому времени развитие ремесла и деревенской домашней промышленности уже достигло значительного уровня. Тем не менее первые мануфактуры в России выросли не из непосредственной кооперации мелких ремесленников, а были созданы при деятельной поддержке и участии правительства. Петровская политика насаждения крупного промышленного производства была продиктована необходимостью активизировать начавшийся в XVII в. процесс формирования крупной мануфактурной промышленности, поскольку темп развития кооперации из городского ремесла и домашней крестьянской промышленности, тормозившийся господством и дальнейшим ростом крепостничества, не соответствовал задачам промышленного развития, стоявшим перед страной. Развитие капиталистической кооперации в России происходило параллельно и в этот период чрезвычайно медленно. Наём рабочей силы был не только количественно ограниченным, но и качественно отличался от найма, составляющего основу капиталистических отношений. Наёмный труд (как и товарное производство) существовал и в докапиталистических формациях. Но он не содержал совокупности черт, характеризующих капиталистический наём, не превращался во всеобщую господствующую форму соединения средств производства с непосредственным производителем, не привёл к полному отрыву работника от собственных средств производства и сопровождался кабальными формами.

Основную массу наёмных рабочих в России этого времени составляли посадские элементы, солдатские дети, беглые и частично оброчные крестьяне. Но оброчный крестьянин ещё не был центральной фигурой на рынке труда, как это стало позже.

В начале XVIII в. возникали преимущественно казённые мануфактуры, часть которых впоследствии перешла в руки частных владельцев. Наёмные люди, завербованные на них различными методами, рассматривались как государевы служители. Если они ещё не были прикреплены к мануфактуре, то уже не имели и права свободного отхода. Правительственные указы рассматривали ушедших с мануфактуры до истечения установленного срока как беглых и предписывали «тех беглых ловить и приводить куда надлежит, и чинить оным беглецам наказание, и отдавать их компанейщикам без задержания»⁹.

⁹ «Крепостная мануфактура в России». Ч. V. Московский суконный двор. Л. 1934, стр. 4.

Феодалные по своему характеру формы найма определялись узостью рынка труда. В тогдашней России отсутствовала основная предпосылка для создания кадров наёмного труда — экспроприация основного производителя, лишение его собственных средств производства. Это диктовало необходимость принудительного комплектования кадров для мануфактуры.

Однако пополнение мануфактуры рабочими кадрами при помощи внеэкономического принуждения ещё не определяло закрепощения работников. Этими же методами в Англии в период первоначального накопления создавались кадры наёмных рабочих, которых приучали «к дисциплине наёмного труда» плетями, клеймами, пытками. Но прерваться в принудительных рабочих они не могли.

В России, в условиях господства крепостничества, хозяйственно самостоятельный непосредственный производитель методами внеэкономического принуждения переключался с сельскохозяйственной и ремесленной деятельности на работу в крупной промышленности, где он лишался хозяйственной самостоятельности. Логическим завершением процесса закрепощения первоначальных как наёмных, так и принудительно завербованных кадров петровской мануфактуры явился указ 1736 г. о вечноотданных, юридически превращавший работников мануфактуры в неполную собственность предприятия.

Однако источник комплектования кадров принудительного труда оказался ограниченным. Развитие мануфактурного производства упиралось в недостаток рабочей силы, ибо основная масса населения — крепостное крестьянство оставалось в стороне от процесса образования кадров для мануфактуры. Единичные факты покупки крепостных к мануфактуре имели место в начале столетия. Законодательное оформление права приобретать крестьян для промышленного производства произошло в 1721 году. Этим актом были созданы условия для развития мануфактурного производства в обстановке укрепления крепостничества. Таким образом, начало посессионной мануфактуры как промышленного производства, основанного на двух противоположных формах собственности, было положено петровскими мануфактурами. Из предприятий, возникших при Петре или несколько позже, сформировались мануфактуры, получившие затем название посессионных. В петровский период их социально-экономический тип ещё не выкристаллизовался. Процесс образования посессионных мануфактур как промышленных предприятий, основанных на двух противоположных формах собственности, занял 3—4 десятилетия.

Вопрос о значении земельных владений в развитии посессионной мануфактуры не привлекал внимания исследователей. А между тем он заслуживает специального рассмотрения. Было ли случайным или закономерным явлением наличие земель при посессионных мануфактурах?

Известное положение В. И. Ленина о том, что уральские горнопромышленники «были и помещиками и заводчиками»¹⁰, подчёркивает непосредственно существовавшую на Урале связь между промышленным производством и феодальной собственностью на землю. Понятие «заводчик-помещик» вскрывает характер оригинального переплетения в одном лице (преимущественно выходец из купечества) двух противоположных состояний.

Феодалные производственные отношения переносились на производство и в русской лёгкой промышленности, где, как и в металлургии, ведущей фигурой был «фабрикант-помещик». Но в лёгкой промышленности этот процесс протекал не в таком чистом виде.

Благодаря работам Е. И. Заозерской мы в настоящее время располагаем подробным списком петровских мануфактур с данными о времени их возникновения. При рассмотрении этого списка выясняется, что начало крупной лёгкой промышленности положила организация казённых мануфактур. Первые частные мануфактуры возникли лишь в 1714 году. Известна попытка правительства навязать в 1711 г. казённый полотноный двор «компанейщикам» во главе с Туркой и Цимбальшиковым. Однако до 1718 г. эта мануфактура фактически бездействовала. Эта неудачная попытка свиде-

¹⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 425.

тельствовала о том, как неохотно купечество включалось в промышленную деятельность.

Организаторами первых мануфактур в лёгкой промышленности были лица, близко стоявшие ко двору: «царский истопник» Милютин, брат «служителя Екатерины Алексеевны» Н. Воронин и крупнейший саяновник — князь Меншиков. Следующая по времени основания частная мануфактура, созданная на рубеже 1717—1718 гг., была организована также компанией близких к Петру лиц: Апраксиным, Шафировым и Толстым. Лишь с 1718 г. начинается более активная деятельность купечества в организации мануфактур, а также передача ранее основанных казённых мануфактур в частные руки.

Начиная с 1721 г., а особенно с 1722 г., количество частных предприятий лёгкой промышленности возрастает. Видимо, этот перелом был связан с указом 1721 г., предоставлявшим предпринимателям из купечества право покупать крепостных с землями к мануфактуре. Единичные факты покупки крепостных к мануфактуре бывали и до издания этого указа. Но, очевидно, не указ повлёк за собой активное возникновение мануфактур, а возникновение мануфактур в условиях узкого рынка труда и вызвало необходимость издания такого указа.

Первоначально указом 1721 г. воспользовались очень немногие мануфактуристы. В 1721 г. красносельцы Симоновы Леонтий и Иван основали замшевую мануфактуру в Алаторском уезде в купленном ими селе Кунаеве (48 дворов с 257 душами мужского пола)¹¹. В 20-х годах (до 1726 г.) в Алексинском уезде купил село с деревнями (100 дворов) бывший царский истопник Алексей Милютин, получивший дворянство вскоре после того, как он завёл мануфактуру шёлковых лент. Но, как указано в его «дonoшении», он приобрёл населённые земли «по дворовому своему чину», без ведома Мануфактур-коллегии¹². Однако в последующих ведомостях его крестьяне числились покупными «на фабрикантском праве», а не на помещицьем.

В тот период известны также отдельные случаи приписки населённых земель к частным предприятиям. Не говоря уже об уральских заводчиках, в частности о Демидове, следует отметить несколько фактов приписки деревень к предприятиям лёгкой промышленности. При Петре к полотняной мануфактуре Тамеса было приписано село Кохма с 641 двором; правда, в 1727 г. оно было «отписано» вновь. Ещё в 1720 г. целовальнику Тимофею Филагтову (Карамышеву), основавшему в 1718 г. полотняную «фабрику» в Малом Ярославце, было пожаловано село Товарково — 5 дворов с 29 душами бобылей. Сам владелец «сыскал» 111 человек беглых оттуда крестьян. По утверждению Карамышева, крестьяне пашенной работы на него не работали, денежных и других доходов он от них не имел¹³. Очевидно, они служили тогда лишь резервом рабочей силы для мануфактуры. Позже село Товарково вместе с мануфактурой перешло к известному предпринимателю Афанасию Гончарову. Как посессионная собственность Гончаровых, оно упоминается в годы ликвидации посессионных предприятий, то есть через 120 с лишним лет.

Таким образом, в первой четверти XVIII в. частновладельческая посессионная мануфактура ещё не вылилась в свою законченную форму. Отличительной чертой её первоначальной стадии являлось прикрепление (сначала фактическое, а затем и юридическое) работников к мануфактуре. Покупка крестьян как массовое явление — факт более позднего времени. Указ 1736 г. превратил в юридическую собственность (условную) владельцев мануфактур все категории работников — и наёмных в феодальной форме найма и принудительных, — уравнив их общим состоянием вечноотданных, прикрепленных к мануфактуре мастеровых. Ни наёмные рабочие петровских мануфактур, ни принудительно туда завербованные кадры не превратились в свободных рабочих. Узаконением покупки деревень к мануфактуре завершался процесс прикрепления работника к мануфактуре, укреплялись крепостнические производственные отношения. Владелец средств производства, в число которых Маркс включает и крепостных, превращался в феодального землевладельца.

¹¹ Сборник документов, подготовленный к печати под ред. Е. И. Заозерской. Док. № 42. Архив Института истории АН СССР. Рукопись.

¹² Там же.

¹³ Там же.

Плоды, которые принес указ 1721 г. в ближайшие 15 лет, вызвали протест со стороны господствовавшего класса дворян, который усмотрел в нём покушение на свои сословные права и привилегии. Указом 1736 г. право покупки к мануфактуре крестьян целыми деревнями было отменено; разрешалось приобретать только крепостных, без земель. Однако этот указ противоречил той форме, в какой развивалась крупная промышленность. В 1744 г. он был отменён и право покупки населённых земель восстановлено. Затем через 8 лет оно снова было ограничено, но лишь количественно. Соответственно с объёмом производства было установлено наивысшее число крепостных, которых имел право приобрести владелец мануфактуры. Колебания в правительственной политике отражали борьбу купечества и дворянства, причём купечество боролось не за установление новых общественных отношений, а за использование и приспособление к своим интересам старых отношений.

Если в первой четверти XVIII в. промышленные предприятия (исключая металлургические) размещались преимущественно в городах, то постепенно происходит процесс их перебазирования в сельскую местность, не отдалённую от городских центров. В этом проявлялась связь промышленного производства с феодальным землевладением. В середине XVIII в., к 1753 г., по неполным сведениям официальной статистики, покупные крестьяне (числом около 10 тыс. душ мужского пола) имелись уже на 39 предприятиях лёгкой промышленности, находившихся в ведении Мануфактур-коллегии. Более половины всех учтённых покупных крестьян — 5 591 душа мужского пола¹⁴ — числилось за полотняными мануфактурами. Второе место принадлежало шёлковым мануфактурам, к которым было куплено 3 062 души мужского пола. В наиболее же покровительствуемой правительством отрасли лёгкой промышленности — на суконных мануфактурах — в то время числилось всего 138 покупных крестьян, то есть менее 1,5% их числа, и то лишь при 2 суконных мануфактурах. Но зато на них было 7 171 душа мужского пола приписных вечноотданных, по данным на 1744 год¹⁵.

К концу 50-х годов XVIII в. по сравнению с началом 50-х годов число купленных к мануфактурам крестьян, а также и количество мануфактур, приобретших крепостных, более чем удвоилось. В ведомости 1769 г.¹⁶ по предприятиям лёгкой промышленности насчитывалось уже 21 286 покупных вместо 9 619 душ, числившихся в 1753 г., а количество предприятий, пользовавшихся трудом покупных, увеличилось с 39 до 128. Поскольку в 1762 г. покупка крепостных к мануфактурам была запрещена, этот значительный прирост следует отнести к 50-м годам. В суконной промышленности количество мануфактур увеличилось до 21, а число покупных крестьян до 2 608 душ — почти в 19 раз. Однако по абсолютным цифрам эта отрасль ещё намного отставала от полотняной. Количество полотняных мануфактур вместе с бумажными (многие из них существовали объединённо) увеличилось с 16 до 54, а число купленных к ним крестьян — с 5 627 до 12 444 — в 2,2 раза.

Покупали крестьян главным образом владельцы предприятий, открытых в 50-х годах. Но покупные появились и на мануфактурах, возникших значительно раньше, даже в петровские времена. Так, на суконной путивльской мануфактуре К. Матвеева, где в 1744 г. числилось 4 657 душ приписных, ведомость 1769 г. отмечает 263 души покупных. На казанской мануфактуре Дряблова сверх 991 души приписных (по данным 1744 г.) появляется к 1753 г. 75 душ покупных, а к 1769 г. число их увеличивается до 221. Таким образом, покупные крестьяне появляются даже на предприятиях, несомненно обеспеченных рабочей силой. На мануфактурах Гардениных и Тулиновых в 1744 г. значилось по 2 предприятиям 280 приписных. В 1753 г. покупных ещё не имелось. Но в ведомости 1769 г. по 5 мануфактурам числилось уже 700 душ покупных. Таких примеров много.

На ряде предприятий, возникших и действовавших при помощи наёмной рабочей силы, появляются также крепостные с землями, купленные на «фабрикантском праве». Таких мануфактур насчитывается около 20. Ярким примером может служить основан-

¹⁴ Эти и последующие цифровые данные, касающиеся 1753 г., суммированы на основании списков, приведённых в книге Дм. Бабурин *«Очерки по истории Мануфактур-коллегии»*. М. 1939.

¹⁵ ЦГАДА, ф. Правительствующего сената 1744 г., д. № 34/938, лл. 1083—1084.

¹⁶ Сборник РИО. Т. X, стр. 364—370.

ная в 1751 г. полотняная мануфактура Угличаниновых в Костроме. Капитала при её основании было вложено 7 500 рублей. На ней имелось 76 станов. Через два года капитала в обращении значилось 9 тыс. руб. и количество станов увеличилось до 82¹⁷. В 1759 г. к мануфактуре были куплены земли в разных деревнях Кинешемского уезда, Костромской губернии. Почти через 100 лет, в 1850 г., при мануфактуре имелось в Костромском, Кинешемском и Нерехтском уездах 1358,5 десятины земли, купленной, десомненно, ещё в XVIII веке¹⁸. В 1769 г. на мануфактуре было 374 души покупных¹⁹. Просуществовав 8 лет на наёмном труде, мануфактура Угличаниновых вскоре стала одной из наиболее крупных по количеству земель и покупных крестьян.

При анализе состава покупных крестьян обращают на себя внимание два обстоятельства: во-первых, к мануфактурам приобретались преимущественно крепостные вместе с землями, число же безземельных было незначительным; во-вторых, 60,9% покупных с землями крестьян оставались на сельскохозяйственных работах и не обслуживали мануфактурного производства. По ведомости 1767 г.²⁰, в ведущей отрасли лёгкой промышленности — в текстильном производстве — насчитывалось всего 775 безземельных покупных крестьян, или 4,3% всех покупных, числившихся за этой отраслью.

По отдельным видам они разбиваются следующим образом:

	Количество мануфактур, имевших покупных крестьян	Количество мануфактур, имевших безземельных покупных	Всего куплено	В том числе с землями	Безземельных	% безземельных
Суконные мануфактуры .	20	8	2 600	2 499	101	3,9
Шёлковые мануфактуры .	16	7	3 630	3 359	271	7,4
Шёлковые заводы	3	3	92	—	92	100,0
Полотняные мануфактуры .	34	18	11 738	11 427	311	2,6
Всего	73	36	18 060	17 285	775	4,3

Таким образом, около половины владельцев текстильных предприятий приобрели крестьян без земель (49,3%). Но в большинстве из этих 36 мануфактур были и покупные с землями. Только по 18 предприятиям были куплены лишь безземельные крепостные. Значительно больше их было, как это будет показано, в тех отраслях лёгкой промышленности, в которых преобладали мелкие предприятия.

Число безземельных покупных не превышало, как правило, 30. Среди учтённых ведомостью 1767 г. мануфактур можно насчитать всего 6 текстильных предприятий, где эта цифра была выше²¹. Однако при 4 из этих 6 мануфактур имелись и земли на посессионном праве, вместе с обрабатывавшими эту землю покупными крестьянами.

Из покупных крестьян, числившихся по ведомости 1769 г., использовалось на «фабричной» работе всего 8 332 души, то есть 39,1%. Остальные продолжали заниматься в деревне земледелием. Следующая табличка показывает использование покупных крестьян на «фабричных» и земледельческих работах:

¹⁷ Данные на 1751—1753 гг. заимствованы из книги Дм. Б а б у р и н а «Очерки по истории Мануфактур-коллегий». М. 1939, стр. 224.

¹⁸ ЦГИАЛ, ф. 1152, Государственный совет. Департамент экономики. Т. IV, 1850 г., д. № 101.

¹⁹ См. Сборник РИО. Т. X.

²⁰ См. И. Курицын. Формирование рабочей силы на текстильных мануфактурах. «Исторические записки». 1939, № 5, стр. 155—159.

²¹ Шёлковая мануфактура В. Хастатова — 40 душ, шёлковый завод В. Хастатова — 55 душ, шёлковая мануфактура армян Лазаревых — 197 душ, полотняные мануфактуры Я. Мальцева — 39 душ, бр. Лугниных — 40 душ, Ф. Уgrimова — 89 душ.

Отрасли	Общее число покупных	На мануфактуре		В деревне	
		число	%	число	%
Суконное производство	2 600	1 341	51,6	1 259	48,4
Полотняное	11 874	3 999	33,0	7 875	67,0
Шёлковое	3 630	1 217	33,5	2 413	66,5
Писчебумажное	570	441	77,4	129	22,6
Стеклозное	233	185	79,4	48	20,6
Прочие производства	2 284	1 084	47,4	1 200	52,6

Из этой таблички следует, что преимущественное использование покупных на «фабричных» работах было в двух отраслях — стекловом и писчебумажном производствах. Однако такое же положение было и на большинстве предприятий «прочих производств», если из их числа исключить 3 крупные мануфактуры: игольные Рюмина, трубочную и ценинную Гребенщикова и замшевую Симоновых. На этих 3 мануфактурах было 1 699 покупных душ мужского пола, из них 666 в деревне. На остальных предприятиях, отнесённых к «прочим производствам», было всего 585 покупных, из которых в деревне оставалось 164 души (28%). Все эти предприятия были либо мелкими либо в основном использовали труд наёмных рабочих. К ним приобретались крепостные, главным образом без земель, то есть в качестве непосредственной рабочей силы для производства. Так, на 22 мануфактурах этой группы все покупные находились на «фабричных» работах. Но там и было всего 153 души, в среднем около 7 на предприятие. В дальнейшем такие предприятия разорялись либо превращались в капиталистические мануфактуры. В ведомостях XIX в. количество мануфактур, отнесённых нами к прочим, всё более и более уменьшалось.

На суконных, полотняных и шёлковых мануфактурах дело обстояло иначе. Здесь владельцы обычно приобретали крепостных с землями и оставляли в деревне 50% и более покупных. Особенно много оставленных в деревне числилось за полотняными мануфактурами, на которых вообще было сосредоточено больше половины всех покупных, и за шёлковыми. Из купленных ими крепостных более двух третей занималось земледелием. А из покупных к суконным предприятиям в деревнях оставалось менее половины.

Указ 1752 г. о максимальном числе покупных в соответствии с количеством станов предписывал использовать от одной четверти до одной трети покупных на «фабричных» работах. Он преследовал цель предотвратить массовый отрыв крестьянства от земледелия, которое считалось основой национального богатства. Но объективно этот указ имел более широкое значение: купец-мануфактурист превращался в помещика. Поэтому вокруг вопроса о приобретении деревень «на фабрикантском праве» шла отчаянная борьба между господствующим классом дворян и купечеством, переключившимся на промышленную деятельность. И лишь через 40 лет после указа 1721 г., то есть после первого нарушения привилегий дворянства, последнее смогло добиться издания указа 1762 г., по которому была запрещена всякая покупка крепостных к мануфактурам. Но победа дворянства определялась в первую очередь тем, что к этому времени рынок труда значительно расширился за счёт пополнения его оброчными крестьянами. Когда в 1796 г. император Павел снова восстановил право купечества на покупку крепостных и часелённых земель, это уже имело мало значения. Под воздействием конкуренции со стороны мануфактур капиталистического типа посессионная форма промышленного производства начала разлагаться.

Яркую картину того, что представляла собой посессионная форма владения, дают материалы «Следственной комиссии о волнениях рабочих полотняной фабрики Хлебникова в селе Клепикове Переяславль-Рязанского уезда Московской губернии»²². Клепиковская волость, состоявшая из села и примыкавших к нему 39 деревень, в первой четверти XVIII в. принадлежала С. П. Долгорукову. Крестьяне находились на оброке, платили 524 руб. в год и ставили 24 четверти ржи. В 1728 г. известный предприниматель петровского времени владелец игольной мануфактуры Панкрат Рюмин купил волость для устройства в ней полотняной «фабрики». Помещицы крестьяне

²² ЦГАДА, ф. 321, № 1, 1776—1778 годы.

превратились в посессионных. По данным 3-й ревизии (1762 г.), их числилось 1 878 душ мужского пола. Хозяйства были разбиты на 730 тягол, которые делились на две категории. 428 тягол числилось непосредственно за мануфактурой, и с каждого тягла взималось по 2 руб. оброка, который крестьяне вместе с полушной податью отрабатывали на «фабрике». Остальные 302 тягла платили по 4 руб. оброка и никаких других обязательств по отношению к мануфактуре не несли. Господской запашки не имелось, вся земля находилась в пользовании крестьян. Таким образом, «фабрикант-помещик» получал сверх рабочих рук, которые оценивались в сумме 856 руб. в год, ещё 1 208 руб. оброка с крестьян, не выполнявших «фабричных» работ. Доход с крестьян составлял 2 064 руб. ежегодно — почти в 4 раза больше, чем получал Долгоруков. Фактически, как показывают документы, эта сумма была ещё более высокой.

В 1773 г. наследники Рюмина продали Клепиковскую мануфактуру вместе с железным заводом и игольными мануфактурами Хлебникову за 160 тыс. руб. В это время в волости числилось 1710 крепостных мужского пола и 1 942 души женского пола. Количество станов — их было 80 в последние годы у наследников Рюмина — Хлебников довёл до 200. Из них в действии находилось 140. Оброк был отменён. С 750 тягол были определены на мануфактуру 412 душ из 1 332, годных к работе. Среди них были и постоянные и временные работники, получавшие денежную оплату. Временных числилось 112 человек. Взамен денежного оброка все тягла были обложены неоплачивавшимися повинностями — поставкой брёвен и других лесостроительных материалов со своих дач, возкой различных материалов на своём транспорте и т. д. Кроме того с крестьян брали и денежные поборы, очень нерегулярно и в различных суммах. И наконец, с них взимался натуральный оброк мясом, ягодами, сеном, овсом и т. д. К «фабричной» работе привлекались и женщины в качестве прядильщиц. Они работали на дому, а не при мануфактуре. За неделю каждая женщина должна была спрядь 10 фунтов пакли, выданной с «фабрики». В неделю прядильщица зарабатывала не более 6¼ коп. И если она возвращала пряжи меньше «нормы», с неё вычитали за фунт пеньковой пряжи по 5 коп., а за фунт пряжи из пакли — по 4 коп. Фактически при этих условиях работа производилась бесплатно.

Клепиковские крестьяне имели своё пашенное и другое хозяйство, обрабатывавшееся семьёй с помощью самого рабочего, который получал в августе отпуск для уборки сена. Если в семье был только один мужчина, он работал попеременно то на мануфактуре, то в своём хозяйстве. Изготовив кусок полотна, он возвращался в своё хозяйство, а его сменял другой такой же крестьянин. Он также, выткав кусок полотна, получал отпуск, и на смену приходил первый. Часто из одной и той же семьи на мануфактуре работало несколько человек. В хозяйстве же оставались женщины и один мужчина.

Была ещё группа рабочих, так называемых «дворовых», которые не имели земельных наделов. Это был вспомогательный персонал, не получавший денежной оплаты ввиду того, что, как сказано в документах, «они дворовые люди и состоят на господской обуви и платье и пище готовой и платятся за них подушные деньги». Эти дворовые были караульщиками, которым одновременно поручалось и литьё свечей; другие делали берда, были кузнецами и пр. Рюмины отпускали своих посессионных крестьян на оброк по паспортам. Наёмный труд на Клепиковской мануфактуре почти отсутствовал: здесь работало только два наёмных мастера. Производство на всех его стадиях обслуживалось крепостными, имевшими свои земельные участки, пашенное и другое крестьянское хозяйство, рабочий скот (который обслуживал и производил) и пр. Крестьяне, таким образом, наряду с работой несамостоятельной, выполняемой при помощи чужих средств труда, вели самостоятельное хозяйство на своём наделе, обрабатывая его своими орудиями.

Клепиковская мануфактура является наиболее чистым образцом посессионного владения как соединения двух противоположных форм собственности. Феодалная собственность на землю (условная) и при Рюминых и при Хлебниковых являлась главным условием эксплуатации крепостных рабстников. При оброчной системе, практиковавшейся Рюминым, прикреплённые к мануфактуре рабочие фактически не получали денежной оплаты, а отрабатывали из расчёта определённых расценок наложенный на них оброк. Следовательно, основным источником воспроизводства их рабочей силы являлся земельный надел. Здесь отношения между собственником средств производства

и работником производства приближались к отношениям, господствовавшим в помещицком хозяйстве. Отказ Хлебниковых от оброчной системы означал переход к фабричной барщине, при которой, с одной стороны, сохранялось значение надела, а с другой — приобретала важную роль денежная оплата. Денежная оплата ещё не вытеснила надела как источника воспроизводства рабочей силы постоянных работников и их семей, но постепенно превращала его из основного средства в дополнительное.

На примере Клепиковской мануфактуры прослеживается и значение докапиталистической земельной ренты для процесса промышленного воспроизводства. Взимавшийся Рюмиными оброк в сумме 2 064 руб. в год в меньшей своей части компенсировал затраты на содержание рабочих (856 руб.), а в большей — являлся ежегодным доходом, который нельзя рассматривать отдельно от доходов, получавшихся от производства, поскольку земля служила «придатком» мануфактуры. Таким образом, докапиталистическая рента покрывала и низкую производительность принудительного труда и высокую стоимость затрат на работников производства как на товар. Она давала возможность посессионным предприятиям до определённой поры выдерживать конкуренцию ещё не окрепших капиталистических мануфактур, где издержки производства были ниже, так как рабочая сила не входила в число средств производства.

В связи с этим следовало бы пересмотреть установившуюся точку зрения на дешевизну крепостного труда в промышленности. Стоимость покупных крестьян (а также и некоторой части вечноотданных, за которых были заплачены деньги их прежним владельцам) оплачивалась предпринимателем при их приобретении и увеличивала сумму основного капитала. Сверх этого владелец посессионной мануфактуры нес расходы по содержанию и оплате рабочих; расходы эти включались в его оборотный капитал. Всё это, естественно, удорожало себестоимость продукции посессионной мануфактуры по сравнению с себестоимостью на мануфактуре капиталистического типа. Получавшийся разрыв между ними можно было регулировать лишь при помощи дополнительного источника в виде оброка или других доходов от сельского хозяйства.

Хлебниковская мануфактура — наиболее чистый вид посессионной мануфактуры, не осложнённый ни наличием большого числа наёмных рабочих, ни наличием принудительного труда безземельных. В других предприятиях практиковались иные разновидности крепостнической эксплуатации покупных крестьян. Так, даже в XIX в. на многих посессионных предприятиях существовала посменная работа крепостных на мануфактуре: половина крестьян то оставалась на пашне, то переключалась на «фабричные» работы. Для владельца посессионной мануфактуры купленная к ней деревня всегда оставалась источником рабочей силы, резервом, использование которого мануфактурист имел возможность регулировать в зависимости от расширения или сужения объёма промышленного производства.

Производственные отношения на мануфактурах, где работали вечноотданные или безземельные покупные крестьяне, принимали несколько иную форму. Лишённый собственных основных средств производства, непосредственный производитель утрачивал свою хозяйственную самостоятельность, терял связь с сельским хозяйством или мелким ремесленным производством. Это, однако, не приводило к установлению отношений купли-продажи рабочей силы; скорее это вело к отношениям, характерным для рабовладельческого способа производства. Правда, в отличие от раба основной производитель здесь не превращался в полную собственность владельца средств производства, но, поскольку он работал при помощи чужих средств труда, он уже не походил на основного производителя феодального способа производства. Для такого рабочего денежная оплата служила единственным источником существования.

Основную массу безземельных составляли вечноотданные и приписные. Однако не все приписные были безземельными. Крупнейшие и старейшие суконные мануфактуры с приписными крестьянами — Ряшковская (в Полтавской губернии) и Глушковская (в Курской губернии) — располагали огромными земельными фондами, приписанными казной. Большая часть земель находилась в пользовании производителей. Вечноотданных и приписных владельцы мануфактур получали либо вовсе без затрат на них капитала либо с затратами, далеко не соответствовавшими рыночным ценам на крепостных как на товар.

Покупка крепостных без земли, напротив, значительно увеличивала издержки производства. Предприниматель затрачивал средства сначала на приобретение крепостных, а затем на их содержание. Феодалная рента при отсутствии земель не могла компенсировать этой двойной затраты. Поэтому и был так ничтожен процент купленных без земли крепостных. Как правило, безземельные покупные служили дополнением к покупным с землями, вечноотданным или к наёмным работникам. И только на мелких предприятиях, главным образом на текстильных, безземельные покупные были основной рабочей силой. Из 36 текстильных мануфактур с безземельными покупными 15 предприятий были обеспечены покупными с землями, 8 — приписными, а на 7 были наёмные работники. Так регулировалась невозмещающаяся стоимость безземельных покупных.

Мануфактуры с безземельными работниками, как вечноотданными, так и покупными, могли существовать только на основе монополии, то есть при активном содействии крепостнического государства. Пока государство обеспечивало за этими мануфактурами монополию на промышленное производство, как это было по отношению к лёгкой промышленности в первой половине XVIII в., пока государство запрещало и преследовало мелкую крестьянскую и городскую промышленность, до тех пор посессионные предприятия могли и с безземельными крепостными не только существовать, но даже развиваться. Но с распространением капиталистической промышленности (мануфактуры) доходность таких посессионных предприятий стала падать. Производительные силы приходили в столкновение с производственными отношениями. Посессионные мануфактуры такого типа либо приходили в упадок либо перестраивались, вынужденные наряду с крепостным трудом применять и наёмный труд.

В последней трети XVIII в. посессионные предприятия эволюционировали в двух противоположных направлениях: одни укрепляли промышленное производство феодалной рентой, другие же — посредством наёмного труда, причём нередко в одних и тех же предприятиях переплеталось и то и другое. В тот период всё шире стали развиваться капиталистические мануфактуры, вытеснявшие преимущественно из крестьянской промышленности. Указ 1762 г., запрещавший покупку крепостных к мануфактурам, а также последующие указы царского правительства, поощрявшие развитие неуказной промышленности, отражали изменения в экономике России: формирование капиталистического уклада, рост промышленности капиталистического типа и развитие рынка труда. Непосредственной целью этих указов являлось сохранение дворянских привилегий в ущерб интересам кущества, которое стремилось к уравниванию в правах с дворянством, за счёт крепостных крестьян. Однако объективные результаты этой правительственной политики оказывались шире узко классовых целей, которые она преследовала.

С развитием крестьянской промышленности процесс расслоения деревни усилился. Распространилось отходничество, особенно заметное по ряду губерний, главным образом нечернозёмных. В лице крестьян-обручников создавался основной источник рабочей силы. Ещё связанные крепкими узами с землёй, крестьяне-обручники уходили на заработки, главным образом для того, чтобы поправить своё приходившее в упадок хозяйство. Но всем ходом объективного экономического развития они оказывались вынужденными всё более порывать с сельским хозяйством, пополняя собой ряды пролетариата. Развитие товарно-денежных отношений ощущалось в деревне в первую очередь в необходимости иметь деньги для уплаты всё возрастающих податей и оброков. Это усиливало процесс отходничества из деревень и приток рабочей силы на предприятия. Поскольку во второй половине XVIII в. абсолютное большинство предприятий возникло в сельской местности, число наёмных рабочих росло и за счёт так называемых «светёл», организуемых мануфактуристами непосредственно в деревнях, то есть на месте нахождения основного производителя.

Капиталистические предприятия захватывали в первую очередь те отрасли, куда не успела проникнуть или где была слабо распространена крепостная форма промышленности. Но и посессионные предприятия всё чаще и больше стали прибегать к наёмному труду, причём даже такие предприятия, которые располагали большим числом покупных крестьян и приписных работников. Это явление отмечалось ещё Любимовым. Интересные факты применения наёмного труда на посессионных мануфактурах, в виде работы непосредственно на предприятии и в форме организации труда

светёлочников, приводит Н. Л. Рубинштейн в статье «Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России XVIII века»²³.

Причину возрастающего применения наёмного труда на посессионных мануфактурах следует искать в высокой стоимости труда покупных крестьян при низкой его производительности, что могло проявиться лишь с ростом рынка рабочей силы. Однако частичный переход к наёмному труду не превращал посессионную мануфактуру в капиталистическую. Появлялись важнейшие элементы, характеризующие капиталистический способ производства: прибавочная стоимость, деление капитала на постоянный и переменный и т. д. Но элементы капитализма, существовавшие в посессионной мануфактуре рядом с докапиталистическими формами производственных отношений, разлагали посессионную мануфактуру, не превращая её в капиталистическую. Но самый факт всё возрастающего применения наёмного труда в посессионной мануфактуре был весьма симптоматичным.

В первом десятилетии XIX в. ещё возникали новые посессионные предприятия, но в таком незначительном числе, что это далеко не покрывало числа закрывавшихся посессионных мануфактур. Указ о неперемённых работниках (взамен приписным государственных крестьян), изданный в 1807 г., ввёл в металлургическом производстве ограничительный срок прикрепления к мануфактуре принудительно завербованных неперемённых работников, а именно 40 лет. Вскоре подобные ограничения были распространены на суконное производство, на котором покупаемые вновь крестьяне становились свободными через 20 лет. По аналогии это постановление применялось и к другим отраслям лёгкой промышленности. Наконец в 1816 г. покупка крепостных к мануфактуре была запрещена.

Но все эти указы уже не имели значения. Ещё в высочайше утверждённом докладе министра внутренних дел в 1809 г. отмечалось, что «никто поныне не объявлял желания на покупку крестьян на основании приписанных в том докладе правил»²⁴, то есть с ограниченным сроком прикрепления купленных к мануфактуре.

Начавшийся кризис посессионной мануфактуры выразился прежде всего в том, что многие предприятия прекратили своё существование. Они продолжали числиться на бумаге, но уже бездействовали. Однако число посессионных работников значительно увеличилось по сравнению с серединой XVIII века. Их насчитывалось к половине 30-х годов XIX в. не менее 45 200 душ мужского пола, в том числе 17 645 приписных и 27 567 покупных²⁵. По отраслям производства они распределялись следующим образом:

Виды производства	Колич. предпр.	Приписные	Покупные	Всего	В среднем на одно предприятие
Суконное	27	12 685	5 846	18 531	686
Шёлковое	11	1 386	2 099	3 485	317
Полотняное	43	1 886	11 234	13 120	305
Бумажное	22	619	4 303	4 922	223
Стекольное	12	485	1 180	1 665	138
Игольное	2	540	820	1 360	680
Ситцевое и миткалевое	5	40	1 885	1 926	385
Прочее	10	4	200	204	20
Всего	132	17 645	27 567	45 212	342

Таким образом, главная масса посессионных была сосредоточена на суконных мануфактурах (почти 41% всех посессионных), причём большинство их было приписными, а не покупными, но эти приписные в подавляющем большинстве находились

²³ «Вопросы истории». 1952. № 2.

²⁴ ПСЗ I, т. XXX, № 23679.

²⁵ ЦГИАЛ, ф. Государственного совета. Департамент экономики, № 1152, оп. IV, т. 1851, д. 9 и др.

на земле. Две крупнейшие суконные мануфактуры — Глушковская и Ряшковская — владели 10 371 душой мужского пола приписных. К обеим были приписаны казённые земли. Покупных, как и в XVIII в., было больше всего в полотняной промышленности. Количество прочих посессионных мануфактур резко упало, и число посессионных людей там было ничтожно.

Чрезвычайный интерес представляют цифровые данные о количестве земель при посессионных предприятиях. 132 предприятия имели 78 778,5 дес. приписной и 153 622 покупных земель. В среднем на 1 предприятие приходилось 1 767 дес. земли. На 24 суконных мануфактурах было сосредоточено 42,29% всего земельного фонда, принадлежавшего владельцам посессионных предприятий в лёгкой промышленности. Здесь преимущественно были приписные земли. Из 43 мануфактур полотняной промышленности 33 имели землю; в полотняной отрасли было сосредоточено 30,3% посессионных земель, остальные 27,5% приходились на шёлковые, ситцевые, стекольные, писчебумажные, игольные мануфактуры. Всего из 132 мануфактур 101 мануфактура имела приписные и покупные земли. Цифра эта, несомненно, преуменьшена, так как наличия земель по некоторым предприятиям не удалось установить. Но и без них получается, что 76,5% сохранившихся к середине 30-х годов XIX в. посессионных мануфактур имели земли, причём наиболее важные, ведущие отрасли лёгкой промышленности, возникшие в период, когда господствовала посессионная форма промышленного производства, располагали наибольшим количеством земель.

В 30-е годы XIX в. посессионная форма становилась обременительной для самих предпринимателей, не имевших права изменять вида производства, уменьшать число рабочей силы и т. п. Посессионные люди часто оказывались попросту излишними на производстве. Феодалные производственные отношения пришли в неразрешимый конфликт с вызревшими в недрах феодальной экономики новыми производительными силами. Это нашло выражение также и в обострении классовой борьбы. Двойной гнёт, которому подвергались крепостные производители, вызывал непрерывные вспышки волнений. Крепостные рабочие требовали, в частности, уравнивания оплаты их труда с наёмным трудом. Часто оказываясь без работы в связи с бездействием предприятий, они обращались с жалобами в правительственные органы или переходили к более активным методам борьбы. Крепостной производитель в промышленности становился всё более социально «опасным» для владельца и всё более невыгодным экономически.

В таких условиях многие фабриканты отпускали посессионных людей на оброк по паспортам, переводили их на пашню, отпускали на волю. Наличие земель при мануфактурах использовалось предпринимателями для регулирования количества рабочей силы для производства. Царское правительство старалось удовлетворить требования фабрикантов и предотвратить угрозу народных восстаний. Издававшиеся им указы свидетельствовали о кризисе посессионной формы владения. Они завершились постановлением Государственного совета 1840 г. «О началах, на которых должен быть основан закон о постепенной ликвидации посессионных мануфактур». Постановление имело в виду те предприятия, владельцы которых, стремясь укрепить производство «на коммерческих началах», хотели избавиться с максимальной выгодой от посессионных людей, а также бездействующие предприятия. Постановление отдавало на волю фабрикантов решение вопроса о сохранении или ликвидации посессии. Владельцы посессионных предприятий получали от правительства по 36 руб. за каждую душу мужского пола из числа покупных или вечноотданных, за которых в своё время были заплачены деньги их прежним владельцам. Покупная земля становилась частной собственностью владельцев посессий. Но часто и казённые земли безвозмездно отдавались им за их «заслуги».

К моменту принятия этого постановления числилось всего 150 посессионных мануфактур, но фактически имелась 141 мануфактура. Более двух третей этих предприятий (97) были ликвидированы, как посессионные, на основании постановления 1840 г., то есть до реформы 1861 года. 50 мануфактур (то есть более одной трети) были уничтожены как бездействующие и 5 — как неспособные продолжать производство из-за долгов заёмному банку. Ликвидация этих предприятий означала лишь законодательное оформление фактического положения вещей. Большинство ликвидированных из-за бездействия и долгов предприятий были мелкими, с небольшим числом крепостных рабочих (иногда и без принудительной рабочей силы, но с приписными казёнными землями)

и со сравнительно небольшим земельным фондом. Сравнительно крупные предприятия (имевшие по 350—450 душ мужского пола) ликвидировались из-за задолженности.

Вторую группу ликвидированных помещичьих предприятий составляли предприятия, перешедшие к использованию наёмной рабочей силы. Некоторые из них имели незначительное число крепостных и вовсе не имели земель, как, например, полотняные предприятия Сериковых в Серпухове. Другие, имея огромное число крепостных и обширные земельные фонды, отказались от применения принудительного труда в промышленном производстве, перешли целиком на систему найма, используя своих крепостных только на хлебопашестве. Так, крупные феодальные собственники Яковлевы, одворянившись ещё в XVIII в. купцы, в 1843 г. «увольнили в мещане» всех приписных и вообще работавших непосредственно на фабрике крепостных, оставив лишь 1 113 душ покупных, переведённых на землю и плативших оброк. Этот оброк, как сообщалось в ведомости, «употребляется на поддержание действия мануфактуры». В 1849 г. Яковлевы добились ликвидации помещичьей. Таким образом, здесь ещё сохранялась роль земельной ренты для промышленного производства. Однако прямой связи между феодальной собственностью на землю и производством уже не существовало.

К третьей группе принадлежали предприятия, на которых помещичье владение было ликвидировано указами 1861 и 1863 годов. В эту группу входили предприятия, наиболее типичные для помещичьих. Если в бездействующих и задолжавших мануфактурах числилось всего 6 261 душа мужского пола приписных и покупных, то есть около 114 душ в среднем на предприятие, то в ликвидированных по указам было сосредоточено 25 991 душа, около 591 на одно предприятие в среднем. Земельный фонд в первой группе предприятий составлял 25 991 дес. земли, или по 591 дес. на предприятие в среднем, тогда как предприятиям третьей группы принадлежало 164 967 дес., по 3 749 дес. на предприятие в среднем. Именно для этой группы было особенно характерно совмещение в одном лице промышленного предпринимателя и помещика.

Многие из этих мануфактур не смогли превратиться в капиталистические фабрики и вскоре после ликвидации помещичьей сошли со сцены. Некоторые из них пришли в упадок и бездействовали ещё до реформы. Из 44 мануфактур, ликвидированных как помещичьи в период реформы, прекратили производство 9 мануфактур. Рабочая сила помещичьих мануфактур в большинстве своём была определена в городские сословия. Освобождённые и от личной зависимости и от собственных средств производства, эти рабочие пополняли кадры российского пролетариата. Владельцы помещичьих мануфактур в своём большинстве превратились в крупных земельных собственников.

Помещичья мануфактура сыграла немаловажную роль в формировании русской промышленности. Этапы её развития отражали общие социально-экономические сдвиги, происходившие в стране.

На первом этапе развития помещичьей мануфактуры происходило оформление неполной собственности купцов-предпринимателей на работника производства. Основой этого процесса было господство феодальной формы собственности в стране в целом. Этот первый этап характеризуется господством монополии и одновременным подпольным развитием «неуказной», преимущественно крестьянской промышленности.

Следующий, начавшийся во второй половине XVIII в. этап, логически завершающий этот процесс, определяется превращением мануфактуриста в феодального земельного собственника (с условностью владения, типичной для феодализма). На этом этапе в последней трети столетия помещичья мануфактура достигла наибольшего расцвета. Постоянным источником пополнения средств мануфактуры в это время служит феодальная рента. Роль монополий в то же время сходит на нет. В этот же период начала развиваться капиталистическая мануфактура. Она укреплялась в условиях отделения производителя от средств производства, создания кадров наёмного труда, в результате раскола деревни, роста крестьянских промыслов, торговли и промышленности.

Третий этап, начавшийся в конце первого десятилетия XIX в., знаменовал собой упадок помещичьей мануфактуры. В 30-е годы помещичья мануфактура переживает кризис. Она находится в состоянии застоя, либо гибнет, либо превращается в капиталистическую фабрику.

²⁶ Там же, оп. III, т. 1949, д. 63.